

Спустившись вниз и поужинав, они вдвоём прогулялись до угла улицы. Сяо Бай в последнее время выглядела какой-то вялой, даже сосиски ела без особого энтузиазма, и всё время лежала у стены, свернувшись калачиком.

Цао Е взял оставшиеся после ужина рёбрышки и стал её кормить. Сяо Бай, наконец, встала и медленно подошла к нему.

— Посмотри на её живот... — Цао Е, присев на корточки, понаблюдал за сяо Бай, а затем поднял голову и посмотрел на Лян Сычжэ. — Она, похоже, беременна.

Даже если бы он это не сказал, Лян Сычжэ, наклонившись, сам всё это время смотрел на собаку. За последние пару месяцев они вдвоём неплохо откормили сяо Бай, поэтому никто не замечал изменений в её теле. Но сейчас её живот заметно округлился, и она даже немного покачивалась при ходьбе.

Цао Е ладонью аккуратно потрогал её живот. Через несколько секунд он с удивлением и радостью повернулся к Лян Сычжэ.

— Потрогай, кажется, там действительно щенок! — сказал он и взял Лян Сычжэ за запястье.

Лян Сычжэ присел на корточки и, следуя за рукой Цао Е, потрогал живот сяо Бай. Под тёплой шерстью действительно ощущалась маленькая жизнь. Приложив ладонь, можно было даже почувствовать очертания щенка.

— Да, кажется, он ещё и шевелится. — Лян Сычжэ осторожно погладил живот сяо Бай. Это казалось каким-то чудом.

— Неужели у нас будет маленькая сяо Бай? — Цао Е был взволнован. — Интересно, успеет ли она родить до нашего отъезда?

— А что ты будешь делать, когда она родит? — Лян Сычжэ убрал руку с живота сяо Бай и погладил её по голове. — Заберёшь щенка с собой?

— Да, но я не знаю, можно ли будет вывезти его за границу...

— Отдай его мне. — Лян Сычжэ убрал руку и, глядя на поникшую сяо Бай, сказал: — У тебя же уже есть одна собака.

— А, хорошо, — сразу согласился Цао Е, а потом подумал и добавил: — Но, когда ты станешь актёром, у тебя, возможно, не будет времени заботиться о нём.

— Время найдётся. — Лян Сычжэ улыбнулся и снова осторожно приложил руку к животу сяо

Бай, чувствуя, как внутри бьётся жизнь. Он подумал, что жизнь к нему всё-таки добра. Перед отъездом она сделала ему такой подарок — живое существо, которое сможет составить ему компанию на долгое время. Лучшего прощального подарка нельзя было и придумать.

Проходя мимо ларька с барбекю, они встретили уличного музыканта, который подарил ему гитару. Лян Сычжэ хотел пригласить его на ужин, чтобы поблагодарить, но больше не встречал его.

Музыкант увидел их и помахал рукой.

— Присаживайтесь!

Цао Е, обняв Лян Сычжэ за плечи, тихо спросил на ухо:

— Кто это?

— Тот, кто подарил мне гитару, — объяснил Лян Сычжэ, потянув его за собой. — Уличный музыкант из бара на углу.

— А... — отозвался Цао Е и пошёл за ним.

Они подошли к столику музыканта и сели напротив.

— А это?.. — Музыкант кивнул на Цао Е, а затем, глядя на Лян Сычжэ, шутливо спросил: — Неужели он тоже с тобой подрабатывает?

— Ага, я протираю столы, а он моет пол. — Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е.

Цао Е кивнул, подыгрывая его нелепой шутке:

— Угу.

— Вы двое такие забавные... — рассмеялся музыкант. — Сейчас самый разгар дня, вы что, сбежали с работы?

— Сегодня не наша смена, — ответил Цао Е.

— Ладно, сыграно неплохо, — усмехнулся музыкант, явно не веря их словам. — Слышал, вы собираетесь сниматься в кино?

— Кто сказал? — спросил Лян Сычжэ.

— Все так говорят. Вы каждый день здесь слоняетесь, разве не заметили, что все только об этом и говорят?

— Не обратили внимания.

— Ну да, наверняка на вас и так многие смотрят. — Музыкант пододвинул к ним банку холодного пива. — Будете?

Цао Е хотел было схватить банку, но Лян Сычжэ опередил его, взяв пиво, и сказал:

— Ты ещё несовершеннолетний, пей газировку. — Затем он встал, чтобы взять газировку из холодильника.

Когда он вернулся, Цао Е уже вовсю болтал с музыкантом. Музыкант сказал, что его зовут Цинь Ичжуан. Цао Е тут же с улыбкой ответил:

— А у тебя есть брат по имени Цинь Исе [1]?

[1] Игра слов:

Ичжуан 正经 (Yìzhǔāng) переводится как «Также серьёзный/достоинный/правильный»,

Исе 义气 (Yìxìé) переводится как «Также злой/подлый/ложный».

Лян Сычжэ сел рядом и поставил перед Цао Е открытую бутылку газировки:

— Пей вот это.

— Какая у вас разница в возрасте? — спросил Цинь Ичжуан, глядя на них.

— Чуть больше двух лет, — ответил Лян Сычжэ, открывая банку пива и делая глоток.

— Тебе самому только исполнилось восемнадцать... — недовольно пробурчал Цао Е, беря газировку, и, глядя, как Лян Сычжэ пьёт пиво, спросил:

— Вкусно?

Лян Сычжэ поставил пиво на стол.

— Нормально, но не так вкусно, как то фруктовое вино, которое ты пил в прошлый раз.

— Я тоже хочу попробовать, — с мольбой в глазах сказал Цао Е. — Всего один глоток, можно, Сычжэ-гэ?

Он всегда так себя вёл, когда хотел чего-то добиться. Лян Сычжэ уже знал все его уловки, но всё равно не мог ему отказать.

— Ладно, я принесу стакан и налью тебе немного.

Не успел он встать, как Цао Е схватил банку с пивом.

— Не надо, я просто глотну... Ты же не против?

— Да, всё в порядке, — ответил Лян Сычжэ, садясь обратно. — Пей.

Пиво оказалось горьким и с резким запахом. Цао Е сделал всего один глоток, скривился и поставил банку обратно перед Лян Сычжэ.

— Невкусно.

— Я же говорил, — усмехнулся Лян Сычжэ, глядя на выражение его лица. Когда он снова взял банку, его сердце ёкнуло: раньше он никогда ни с кем не пил из одного стакана.

Даже Цинь Ичжуан, глядя на них, рассмеялся:

— Вы и правда очень близки.

— Мы ещё и спим в одной кровати, — сказал Цао Е.

Лян Сычжэ сделал глоток пива. Отверстие в банке было маленьким, и пить приходилось, прикасаясь к одному и тому же месту. Эта мысль промелькнула у него в голове, а затем его охватило странное чувство, и он не мог понять, было ли это под влиянием алкоголя или нет.

Тёплый вечерний ветер обдувал лицо, неся с собой запахи уличной еды. Доносившиеся ароматы были не самыми приятными, но атмосфера была чудесной. Вокруг стоял шум и гам: шипение масла на сковороде смешивалось с разговорами посетителей. Это была та самая уличная жизнь, с которой он раньше никогда не сталкивался.

Лян Сычжэ подумал, что эти три месяца были довольно долгими. Оглядываясь назад, он осознал, сколько всего произошло.

Он пресытился холодной лапшой с красным маслом из лапшичной «Лао Ду».

Теперь он мог легко забраться на крышу «Лазурной вечеринки».

Он посмотрел десятки фильмов.

Прочитал несколько профессиональных книг.

Сяо Бай встретила Цезаря и забеременела от него.

Лето подходило к концу.

Юноша, неожиданно ворвавшийся в его жизнь, стал ему дорог.

Все эти события были лишь отпечатком времени, но, вспоминая их, он чувствовал, будто всё пролетело в мгновение ока. Тот момент, когда он стоял у входа в лапшичную «Лао Ду» с Цао Е на спине и с тоской смотрел на «Лазурную вечеринку» в конце переулка, казалось, был только вчера.

Ни одно лето в его жизни не было таким насыщенным: арбуз, газировка, крыша и юноша, с которым так сложно прощаться. Вспоминая все предыдущие летние месяцы, проведённые за занятиями на скрипке, он вдруг почувствовал, как они были скучны и однообразны по сравнению с этим летом.

Как будут проходить его последующие летние дни? Лян Сычжэ, потягивая пиво, смотрел на шумную улицу Иньсы. Он слегка опьянел и подумал, что, пожалуй, это лето подобно крепкому алкоголю: обжигающее вначале, с горько-сладким послевкусием, вызывающее опьянение.

Допив банку пива, он встал и оплатил счёт за весь столик, тем самым вернув долг за гитару. Наконец-то перед отъездом с улицы Иньсы он смог разобраться с этим делом. Он не любил быть в долгу и несколько раз специально прогуливался возле бара, но так и не встретил этого музыканта. К счастью, перед самым отъездом ему это удалось.

Следующую неделю можно было описать словами «время летит незаметно». Изначально Лян Сычжэ планировал уехать за неделю до прослушивания, но каждый вечер, лёжа в постели и болтая с Цао Е, он уговаривал себя остаться ещё на денёк.

Проснувшись утром за два дня до отъезда, он понял, что пора уходить. Ему нужно было оставить себе один день про запас. Уезжать накануне прослушивания было слишком

рискованно: вдруг Цао Е затащит его в разговоры на всю ночь, и он уже не сможет уехать.

Лян Сычжэ понимал, что должен уехать. Цао Е твёрдо решил уступить ему эту возможность. Если бы они пошли на прослушивание вместе, Цао Е наверняка бы поддался. Он вспомнил, как во время прослушивания серьёзный Цао Сююань сидел за монитором и, нахмурившись, покачивал головой. Если бы это выражение лица было адресовано Цао Е, даже представить трудно, как бы тот расстроился.

«Решено, сегодня ночью», — подумал Лян Сычжэ, умываясь. Судя по их режиму в «Лазурной вечеринке», Цао Е крепче всего спал в четыре-пять часов утра. Если он уйдёт в это время, Цао Е, скорее всего, ничего не заметит.

Днём прошёл сильный ливень. Всё лето стояла засуха, и, переключая каналы телевизора, они постоянно натыкались на новости о засухе на севере страны. Но вот, в самом конце лета, неожиданно хлынул проливной дождь. Солнце скрылось, в комнате было темно и сыро. Только включённый свет мог хоть немного развеять эту удушливую атмосферу. Выглянув в окно, можно было увидеть, как капли дождя, падая на землю, поднимают мириады брызг.

Дождь шёл весь день и прекратился только к утру. Движение городского транспорта было практически парализовано, поэтому в тот вечер на улице Иньсы было малоллюдно и непривычно тихо.

Они закончили обсуждать последнюю сцену сценария: сяо Мань совершил убийство и, держа в руках скрипку, дрожал всем телом. Пэн Янь с растрёпанными волосами сначала в ужасе смотрела на происходящее, а затем успокоилась, пригладила волосы, восстановила дыхание и, взяв у сяо Маня скрипку, стала внимательно и бережно её рассматривать.

Она попросила сяо Маня сыграть ей. Сяо Мань дрожащими руками взял скрипку, приложил к плечу, закрыл глаза и провёл смычком по струнам. Скрипка, повреждённая во время борьбы, издавала странные, искажённые звуки. Сяо Мань много раз представлял себе, как будет играть для Пэн Янь, но в этот раз мелодия совершенно не складывалась. Закончив играть, он был весь покрыт холодным потом.

— Боже, это так гнетуще. — Цао Е отбросил сценарий в сторону и плюхнулся на кровать. — Я буквально задыхаюсь... Дождь уже прекратился?

— Вроде да, пойду проверю. — Лян Сычжэ тоже чувствовал некоторую тяжесть. Весь день они провели взаперти, обсуждая самую напряжённую часть сценария. Если он сейчас же не выйдет подышать свежим воздухом, то тоже задохнётся. Он подошёл к окну и посмотрел на улицу. — Дождь закончился.

— Тогда давай прогуляемся. — Цао Е сел на кровати. — Сегодня внизу так тихо. Который час?

— Час сорок, — сказал Лян Сычжэ, посмотрев на время. Обычно «Лазурная вечеринка»

закрывалась только в три часа ночи, так что это время нельзя было назвать поздним, но сегодня на улице было безлюдно и тихо, что делало ночь особенно глубокой.

Они вместе спустились вниз. На втором этаже выключили основное освещение, оставив гореть только несколько тусклых люстр. Выйдя на улицу, они погрузились в тишину. Ливень смыл с переулков Иньсы всю грязь и нарушил привычный ритм жизни. Люди, запертые в своих домах, рано погасили свет и уснули.

Толстый слой маслянистой грязи, обычно покрывающий асфальт, был смыт дождём, и в воздухе больше не витал привычный удушливый запах готовящейся еды. Они шли по ночным улицам угасающего лета, вдыхая запах мокрого асфальта. В переулке не было ни души, даже сяо Бай нашла себе укрытие под навесом и свернулась калачиком у стены.

Цао Е, как обычно, держал в руках свою портативную камеру и, идя спиной вперёд, снимал Лян Сычжэ. Продолжая снимать, он спросил:

— Ты всё ещё боишься камеры?

— Уже нет, — ответил Лян Сычжэ.

Он уже привык к тому, что всегда и везде на него направлен объектив, поэтому не чувствовал неловкости и не старался специально позировать. На экране был совершенно расслабленный Лян Сычжэ.

— Не бойся, — сказал Цао Е. — Просто представь, что тебя снимаю я.

— Угу. — Лян Сычжэ улыбнулся. — Хороший способ. — Но он понимал, что в будущем вряд ли кто-то будет снимать его так долго.

Устав бродить, они вернулись к «Лазурной вечеринке», вынесли два деревянных табурета и сели на ступеньках, чтобы поболтать. После дождя плотные облака рассеялись, и ночное небо казалось высоким, глубоким и безграничным. На нём висел тонкий серп луны. Серебристый лунный свет заливал землю, и мокрый асфальт Иньсы, отражая его, казался припорошенным тонким слоем снега.

— Интересно, какой Иньсы будет зимой? — спросил Цао Е, глядя на переулок. — Если выпадет снег, наверное, будет ещё красивее, чем сейчас?

— Наверное, — ответил Лян Сычжэ. Он представил себе зимнюю Иньсы: снег лежал не только на земле, но и на ветвях деревьев. Иньсы в снежном убранстве, должно быть, сильно отличалась от летней.

— Так хочется посмотреть... — сказал Цао Е. — Давай как-нибудь приедем сюда зимой.

— Давай, — улыбнулся Лян Сычжэ. Эти слова шли от чистого сердца. Он знал, что обязательно сюда вернётся.

Они оба понимали, что скоро покинут это место. Все их разговоры в последние дни касались будущего. Иньсы словно невидимая граница разделяла два совершенно разных мира: маленький переулок и внешний мир, но каким-то волшебным образом соединяла их жизни.

Они помолчали какое-то время. Затем Цао Е поднял голову, посмотрел на небо и, указывая куда-то вдаль, сказал:

— Смотри, там облако.

Лян Сычжэ поднял голову и посмотрел в указанном направлении.

— Видишь? Возле неоновой вывески. Кажется, оно плывёт сюда.

— Вижу, — сказал Лян Сычжэ, глядя на облако. — Интересно, это кучево-дождевое? — Он опустил взгляд и увидел, что юноша всё ещё смотрит на облако. Облако, слегка колыхаясь, отражалось в его ясных глазах.

— Кучево-дождевое... — Цао Е, не отрывая взгляда от облака, произнёс: — Значит, опять будет дождь?

— Возможно, — ответил Лян Сычжэ. Ему казалось, что он чувствует запах этого облака: влажный, прохладный, более тонкий, чем запах дождя.

— Как думаешь, когда оно доплывёт до нас?

— Ветер стих, так что вряд ли это будет скоро.

Цао Е опустил взгляд и, посмотрев на переулок, сказал:

— Так тихо. Кажется, мы единственные, кто ещё не спит. Эй, давай споём! — Он вдруг повернулся к Лян Сычжэ с внезапной идеей. — Сычжэ-гэгэ, спой мне что-нибудь. Мне кажется, у тебя красивый голос.

— Мы не помешаем людям? — улыбнулся Лян Сычжэ.

— Спой негромко. — Цао Е подвинул свой табурет ближе. — Считаю это прощальным подарком. Мы же скоро уезжаем.

Он использовал их скорый отъезд как аргумент, и Лян Сычжэ не смог отказаться.

— Что спеть?

— Что угодно. Что-нибудь, чего я ещё не слышал.

«Чего я ещё не слышал...» — Опустив глаза, Лян Сычжэ задумался. Он действительно мало слушал поп-музыку, и те несколько песен, которые он знал, Цао Е наверняка уже слышал.

Нахмурившись, он вдруг вспомнил давно забытую мелодию. Она напомнила ему о том, как много лет назад, когда он был ещё совсем маленьким, у них дома внезапно отключили электричество. Уличные фонари тоже погасли, и в доме стало совсем темно. Вся семья скучала, сидя в гостиной. Вдруг мама взяла скрипку и в темноте сыграла протяжную мелодию, а затем, взяв Лян Сычжэ за руку, показала ему ноты. Сколько лет прошло с тех пор? Кажется, лет десять. Но мелодию он помнил очень хорошо, как и то чувство, когда он в темноте нащупывал струны. Это воспоминание пробудило в нём тоску по матери.

Он хотел снова сыграть эту мелодию, но понимал, что больше не сможет играть на скрипке.

— Я могу насвистеть тебе, — сказал Лян Сычжэ, глядя на Цао Е.

— Отлично! — с нетерпением кивнул Цао Е.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130264>